

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

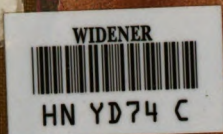
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

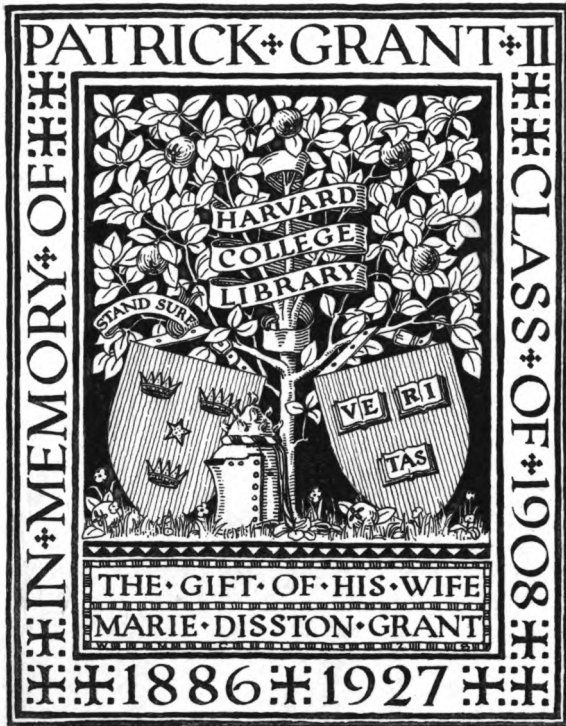
27223
44

ХАЛАНСКІЙ - О ЖИДОВИНЬ

27223.44

25d

М. ХАЛАНСКІЙ.

БЫЛИНА
О ЖИДОВИНѢ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русск. Фил. Вѣстника“.

Printed in Russia.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МАРИИ ЗЕМКЕВИЧЪ
Краковское-Предмѣстье, N 17.

1890.

М. ХАЛАНСКІЙ.

БЫЛНА
О ЖИДОВИНЪ.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСЪ ИЗЪ „РУССК. ФИЛ. ВѢСТНИКА“.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МАРИИ ЗЕМКЕВИЧЪ.
Краковское-Предмѣстье, N 17.

1890.

27223.44

✓

Grant fund

Дозволено Цензурою.
Варшава, 12 Февраля 1890 г.

БЫЛИНА О ЖИДОВИНЪ.

В своем сочиненіи „Великорусскія былины Кіевскаго цыкла“ (Р. Ф. В. т. XII—XIV. Отд. оттиск. Варш. 1885 г.) я касался объясненія былины о Жидовинѣ. Я пытался поставить ее в связь с книжными сказаніями о „царѣ Евреинѣ“, „силѣ жидовской“ и под. (А. Н. Веселовскій, Южно-рус. был., VIII, 288). В настоящее время многія новыя данныя и в связи с ними отерывающееся иное значеніе прежних дают основаніе взглянуть иначе на происхожденіе и значеніе этого любопытнаго образа нашего былевого эпоса.

Былина о Жидовинѣ примыкает к распространенным у южных славян сказаніям о „джидах“, великанах; лишь в связи с ними она получает смысл и значеніе. Сказанія эти встрѣчаются у сербов, болгар, а также и у румын. Наибольшую полноту и опредѣленностью отличаются сербскія сказанія. С них нам и нужно начать свое изложеніе.

По воззрѣніям сербов, „джида“—великаны, гиганты, представители поколѣнія людей, предшествовавшего нынѣшнему. „Джиды“, объяснял мнѣ серб с косовскаго вилаета, „люди велики и големи, жившіе за много вѣков даже до Марѣа Кралевича“. С их именем связываются названія древних могильников — „джидовски гробишта“, „джидовско гробле“. Особенно много таких кладбищ, по словам сербов, в Босніи; но встрѣчаются они и в королевствѣ. Так напр., одно „джидовско гробле“ находится, по сообщенію г. Н. Пашича, по дорогѣ от Алексинца к Бани; оно состоит из группы камней, около 30—50 на небольшом пространствѣ; высота каждаго камня приблизительно в рост

человѣка. Недалеко от него находится „вампи́рско гробле“. По словам г. Миличевича, камни, называемые „джидовско гробле“, не имѣют на себѣ никакихъ знаков, и этимъ отличаются отъ тѣхъ надгробныхъ камней, которые называются „стеѣак“ и на которыхъ находятся разныя украшенія в видѣ изображеній людей и животныхъ (см. Рѣчн. Вука под сл. стеѣак“). На сколько я могъ убѣдиться во время своего пребыванія в Сербіи минувшимъ лѣтомъ, у сербовъ представленія о „джидахъ“ довольно живы. Каждый сербъ знаетъ это слово, знаетъ какое либо „джидовско гробле“, а упомянутый уже сербъ с воеводскаго вилайета говорилъ мнѣ, что он самъ видѣлъ кости „джида“ и его громадную голову, вырытую изъ „джидовскаго“ гроба. У болгаръ представленія о „джидахъ“ не ясны; многіе не знаютъ этого слова.

В сербскихъ пѣсняхъ слово *джид* является в чрезвычайно любопытныхъ измѣненіяхъ: *джидов*, ж. р. *джидовка*, *джидић*, *джидовић*, *джидовина*, с эпитетомъ *стари* и *старац* и наконецъ *джидовине*, что указываетъ на именит. *джидовин*—форму тождественную с *Жидовиномъ* русской быliny.

Эпическій образъ *джидовина* отличается двойственностію. В однихъ пѣсняхъ джидъ представляется страшнымъ великаномъ, одинъ внѣшній видъ котораго наводитъ страхъ на юнаковъ. Онъ ходитъ одиноко и держится большею частію особнякомъ; появляется неожиданно, не вѣсть откуда; в одной лишь пѣснѣ неопредѣленно сказано о мѣстѣ его пребыванія: стари *Джидовина* одъ сунацъ исхода (Ил. Руварацъ, Две студентске расправе. Нов. Сад 1884, стр. 58). Какъ представитель поколѣнія, предшествовавшаго юнацкому, онъ называется *стари* или *старац*. Чуждый интересамъ юнацкаго поколѣнія, онъ относится къ нему враждебно; также относятся и къ нему юнаки. Они не могутъ противостоять ему в открытомъ бою и прибѣгаютъ в борьбу с нимъ большею частію къ хитрости. Очевидно, в такомъ значеніи *джидовин* напоминаетъ великановъ эпоса другихъ народовъ: нашихъ поленицъ, кашубскихъ столымовъ, кавказскихъ эмегенъ, греческихъ гигантовъ (Preller. Griechische Myth., I, 53), германскихъ

Riesen и особенно Hünen (Grimm. Deutsche Mythol., I³, 489—90) и др.

В других пѣснях, очевидно, болѣе позднago склада, представляющих по содержанию варианты самостоятельных мотивов, *джид* является эпическим обозначеніем врага, замѣняющим собственныя имена основных вариантов.

К сожалѣнію, сербскія сказанія о *джидах* не собраны и не приведены в порядок. По странному недоразумѣнію, слова *джид* и производных от него нѣтъ в словарях Вука и Южно-славянск. Академіи. Нам удалось извлечь из разных сборников, большею частію мало извѣстных, нѣсколько пѣсен о *Джидовинѣ*. Разумѣется, ими не исчерпывается содержание всего сербскаго эпоса о *джидах*; но все-таки онѣ представляют достаточный матеріал для выясненія как значенія этого образа, так и отношенія его к *Жидовину* русской быliny.

В пѣснѣ — „Марко Кралевић и Неда Джидовина (Лазар Николић, Срп. нар. п. скупио по Срему: Марко Крал. у 8 нар. п. N 5) рассказываетя слѣд.: В великой царской механѣ пили вино будимсеіе господа и с ними Краевич Марко. Мимо проходил Неда Джидовина; поздоровался с ними; всѣ господа встали, поклонились Недѣ, сняли колпаки и поцѣловали ему руку. Только Марко Краевич ничего этого не сдѣлал. Не понравилось это Джидовинѣ; говорил он Краевичу Марку:

Копилане Кралевићу Марко!

Сва господа устадоше редом,

И мени се редом поклонише

. . . . .

Ти копиле, Кралевићу Марко,

Неустаде, ни ти калпае свиде

. . . . .

Знаш ли море! ко те је родио?

Знај, копиле, ја сам те родио!

Кад су срби Будим поарали,

Ја сам твоју обљубио мајку;

Оскорбленный Марко Краевич ѣдет к матери и спраши-

вает ее о свом происхожденіи. Мать увѣряет Марка, что его отец—Вуѣшин, а не Джидовина Неда. Тогда Марко ѣдет к Нединому двору и вызывает Джидовину на поединок. Джидовина принял вызов:

Он изиђе на мејдан јуначки;
Марко Неди ријеч проговара:
„Стани мени, Джидовина Недо,
„Стани, Недо, на тврду белегу,
„Да те бијем лаким буздованом!“
Ал беседи Джидовина Неда:
„Ти мен прво стани на билегу,
„Да те бијем лаким буздованом,
„Јере ја сам од тебе старији!“

Стал Марко на мѣтѣ. Бьет его Джидовина буздованом, Марко принимает удар на свой буздован: сломился буздован Джидовины, не причинив вреда Марку.

Ал' беседи Краљевићу Марко:
„Стани, Недо, на билегу тврду,
„Да те бијем перним буздованом!
Стаде Неда Марку на билегу,
Диже Марко перна буздована,
Диже Марко, па Шари беседи:
„Аој Шаро, аој добро моје!
„Добро гледај да погодим Неду,
„Да погодим у чело јуначко!“
Кад је Шарац разумео Марка,
Летну Шара, ко по небу звезда;
Ал' заману Краљевићу Марко,
Па удари Джидовину Неду,
Удари га у чело јуначко,
Како га је лако ударио,
Оба еу му ока искочила.
Ал' слеп вија Джидовина Неда,
Да увати Краљевића Марка.
Кад се било Марку досадило,
Бегајући испод слепог Неде,
Трже сабљу Краљевићу Марко,

Трже сабљу, оцече му главу.
Па је узе Краљевићу Марко,
Па је веза Неда на коњица;
Однесе је у меану царску.
Ишеташе сва господа редом
Из велике цареве меане;
Они мере Дждивини главу,
Ал' у глави триест и шест ока;
Чудише се сва господа редом
Па беседе Краљевићу Марку:
„Здрав ћетићу, Краљевићу Марко!
„Здрав ти био и ко те (је) родио,
„Кад погуби такога јунака,
„Ко што беше Дждивина Неда!“

Очевидно, Дждивина Неда такой же нахвальщик, как и Жидовин русской былины. Конец сербской пѣсни замѣчательно близок к окончанію былины о Жидовинѣ: Илья Муромец —

Скоро спорол груди бѣлыя (Жидовину),
Скоро затмил очи ясныя,
По-плеч отсѣк буйну голову,
Воткнул на копьѣ на булатное,
Повез на заставу богатырскую.
Добрыня встрѣчает Илью Муромца
Со своею братьею приборною.
Илья бросил голову о сыру землю,
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздил во полѣ, братцы, тридцать лѣтъ, —
„Этого чуда не наѣзживал!“

(Кирѣевск., IV, стр. 12).

Способ дуэли Марка с Дждивиною напоминает подобный эпизод в нартовском сказаніи о борьбѣ Сосрымо с великаном Музарой, сыном Силы (Сборн. св. о кавк. горц., VII нарт. сказ. 1—4).

Есть нѣсколько вариантов этой пѣсни. В нѣкоторых из них названіе супротивника является или в измѣненной формѣ, или совсѣм в иной. И Марка Кралевича замѣня-

ют другіе герои. Так, в вар. Петрановића (Ср. н. п., II, N 43) Змај од огна Раде боретса с Дедом Джидовичем, который называется здѣсь турчином. Появленіе его так описывается:

Таман они у ријечи били, (Марко, Јанко и Раде)
Док се прамак магле заподио
Покрај мора уз морску јалију,
А из магле јунак испануо,
На њогату коњу од мејдана,
Бојно копље носи у десници,
Свија му се копље око нега.
Јунак страши, да га Бог убије!
Марко гледну низ морску јалију,
Кад опази момка на њогату,
Овако је тихо говорио:
„Чуеге л' ме до два побратима,
„Ето нама Деде Джидовића,
„Сад гледајте страшива јунака,
„Устаните, да га дочекамо“.

Змај од огна Раде okazaљса храбрѣ Марка Кралевича: он не только не встал с мѣста, но даже вызвал Деда Джидовича на поединок и убил его. В пѣснѣ „Тко је јунак“ (Шћванія црног. и херцегов., N 26) вмѣсто Деда Джидовича выступает арап; он ѣдет

На вранчини коњу маменоме,
Он ми носи јелу под гранама,
Себи од нје хлада учинио.

Ibid. N 75 „Какав је Раде“ имя врага Меха ђурђевић.

В пѣснѣ „харамбаша Лимо и Джидовић Алија“ (М. Станић. Драгачевка. Песме и приповедке, стр. 68—75) Джидовић Алија завлекает харамбашу Лима в Једрен и садит в тюрьму. Марко Кралевич вмѣстѣ с Релей и Новаком разбивают темницу и освобождают Лима.

В Пѣван. црног. и херцегов., N 131, говорится о нападеніи юнаков Стакова Радована и Јовашова Брацкови на турок, среди которых выдѣлялся Джидић Хаган,

На њогату коњу великоме.

О нем так отзывается Брацова:

Ја познајем овога јунака,
Који јаше на коња ђогата,
Оно јесте Джидићу Хагане,
Несмијемо нима ударати,
Није шала Хаганова глава,
Е је Хаган свему граду глава.

Перепечатана в календарѣ Херцеговац за 1887 г. N 6.
Ibid. N 8 упоминается юнак Джидић Хасан.

В рукописном сборникѣ сербскихъ пѣсенъ Брлића, в п. о женитѣбѣ Сибињанина Јанка тавже выводится Джидовина. Јанко зовет в сваты старца Джидовину „од сунац исхода“, Мусу „од по бела дана“ и Краевича Марко „од сунац захода“. Джидовина отказывается прийти „јер је с Марком у завади“. Одново послѣ приходит:

Навуко се црни облачина,
Навуко се од сунац' исхода;
То не био црни облачина,
Већ то био стари Джидовина.

И. Руварац. Две студентске расправе. Нов-
Сад 1884, стр. 58.

„Кралевић Марко и джидов“, (Hrvatske nar. pjesme, sakupljenje stranom po primorju, a stranom po granici. Sabr. St. Mažuranić. U Senju 1876 г., N 3), развивающая мотив пѣсни сборн. Вука: М. Крал. и ђемо Брђанин (II, N 68), выводит „старца Джидовина“. Рано ѣхал Марко на своем великом Пѣгом; закричала ему вила с высокихъ планин:

Богом брата, Кралевићу Марко!
Данас хоћеш бит савезан Марко:
Срести ће те джидовине стари
А на своме великоме вранцу
Он ће тебе савезати, Марко!

Марко отвѣчал вилѣ, что еще не родился такой юнак, который бы связал его. Однако, предсказаніе вилы исполнилось.

Кад појаха мало понаприда,

Али срети джидовину старца.
 Говори му джидовине стари:
 Уклони се, ал поклони курво!
 Говори му Краљевићу Марко:
 Нјесам луба, да ти се уклонам,
 Нјесам млада, да ти се поклонам,
 Већ сам јунак, мегдан ћемо дјелит!
 Удара га джидовине стари,
 Удара га руком уз образе,—
 Паде Марко у зелену траву.

Джидов соскочил с коња, связал Марка, бросил его на
 своего коња, сам сѣл на Маркова Пѣгаго и поѣхал тем-
 ным лѣсом. Дорогой Джидовин захотѣл пить, и Марку
 Краљевићу удалося направитъ его к корчмѣ своей посе-
 стримы Мары. Мара споила Джидовина вином и, когда он
 заснул, освободила Марка. Марко связал Джидовина,

Он изведе джидовскога вранца,
 И својега племенитог Шарца,
 На ког баци джидовину старца,
 Па узјаха на старчева вранца,
 Па ходјаше кроз горицу црну.
 На јеле је Шарца наводио,
 Неби ли се стари разтрезнио.
 Кад дођоше горе на разкрижје,
 Бритку своју саблу повадио,
 Па замахну—одсјече му главу.
 Када джиду одсјекао главу,
 Вјеша нега о јелове гране.
 Оде Марко кући пјевајући,
 А на старом орле грактајући.

Подобная пѣсня есть в рукописном сборникѣ Брли-
 ља, с одной подробностью, интересной по сравненію с рус-
 ской былиной о Добрынѣ Нивитичѣ и поленицѣ. Начина-
 ется она так:

Поранио Краљевићу Марко,
 У неђелу на преображене;
 Па он иде у гору зелену,

У горици црна облачина,
Облачина стари Джидовина.

Вынул буздохан Марко и стал бить его:
Старца бије, ал' се старац смије,
Он га бије до по бела дана.

Наш Добрыня, встрѣтив в полѣ поленицу, стал бить
ее палицей по буйной головѣ; двух ударов Добрыни по-
леница не почувствовала, послѣ третьяго

На кони сидит же поляница, сворохнуласе;
И назад же поляница оглануласе;
Говорит же поляница да удалая:
„Думала же, русскіи комаріи покусывають,—
„Ажно русскіи богатыри пощальчивають!“

Гильферд., Онеж. был., стр. 38.

Стал Джидовина бить Марка,

Марко паде у траву на главу.

Связал его Джид и поѣхал лѣсом-горой. Марко завлек его
к посестримѣ Марѣ. Мара опоила Джидовину вином, осво-
бодила Марка, и Марко убил своего врага, а труп его
разсѣк на четыре части (И. Руварац, Две студентске рас-
праве, стр. 58—59).

Джидовина Минна выводится в одном вариантѣ пѣсни
о похищеніи жены Марка Кралевица, гдѣ он замѣняет
Мину од Костура (Пѣван. црногорск. и херцеговачка,
N 37).

В пѣснѣ „Слава ѣура Смедереваца“, помѣщенной в
сборникѣ сербских пѣсен Петрановича (т. II, N 39), вы-
водится Джидовина Неда в значеніи насильника и назы-
вается турчином. Пѣсня в нѣкоторых частностях сходится
с былинной об Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ поганом.

Славит славу Смедеревац ѣуро, славит славу святого
Егорья (ѣорѣја). На праздник собралось много сербов.
На самый день св. Георгія, только что гости начали пить
вино, поминать Бога истиннаго и св. Георгія,—

Док ево ти једне сератлије,
По имену Джидовине Неда.
Кад долеће до ѣурѣве куле,

Продире се са кома дорина:
„Копилане, Смедеревац ђуро!
„Јеси л' дома на бијелој кули?
„Изиђи ми, прихвати парипа“.

Непріятно было ђуру, однако он вышел, принял его ко-
ня и ввел в конюшню, а турок пошел на б'ѣлую кулу,

Па засједе за пуну трпезу,
Сви му гости на ноге свочили,
Док турету мјесто направили.

Па завика Смедеревац ђуру:
„Служи, море, вино и ракију!“
Свијем ђуро по реду служаше,
По најприје Дждовина Неду;
Недо пије, ништа не говори.
Кад другоме коме чаша дође,
Што уз чашу здравити валаде,
То ниваѣву зборити не даде,
Ни спомиѣат' Бога истинога,
Милог Бога, ни светог ђорђија,
Ни лијепо домаћинско здравље.

Горько стало ђуру видѣть это, вышел он в другую ком-
нату и велѣл своей женѣ Еринѣ выйти с полной чашей
вина на дорогу: быть может, пошлет Бог какого-либо юна-
ка, тогда пусть она поднесет ему вина и позовет на по-
мощь. Вышла Ерина на зеленый путь, и Бог ей послал
Лютицу Богдана. Услышав от Ерины про горе ђура, Лю-
тица Богдан поѣхал к его кулѣ. ђуро его встрѣтил ла-
сково. Богдан взошел на кулу и, не обращая вниманія
на Дждовина, занял мѣсто. А когда Недо незахотѣл
снять шапки, когда поминали Бога и св. Георгія,

На нег Богдан очи исколачи,
Пае му силе иза себе баѣи:
„Скѣни капу, силна потурице!“
А туре се луто догодило,
Пае из руке чаше потурише.
„Стани, море, Лутица Богдане,
„Сад ће бити славе и мегдана!“.

Схватились в рукопашную; долго боролись, наконец Богдану удалось одолѣть Джидовина. Связав, он вывез его к рѣкѣ Быстрицѣ, отрубил голову, а труп разсѣк на четыре части,

Па га баци на четири ступа,
И главу му на калкалуе баци,
Окрену је низ воду Бистрицу,
Нека гледа, како тече млава,
Нека гледа народ и хришћанлуе,
Таки јунак, ће је погинуо,
Ко ли му је посјекао главу,
Пае и своју показао славу.

(стр. 471—482).

О сербской п. „Марко Краљевић и Джидовка дјевојка“ см. в моем сочиненіи: „Великорусск. был. киевск. п.“ стр. 27—33. Вар. „М. Крал. и јунак дјевојка“—„М. Кр. у осам нар. песама“ N 6.

Кромѣ слова „джид“ и производных от него, у сербов в значеніи великана употребляется *джин*. Впрочем, в употребленіи *джид* и *джин* замѣтна разница, как это будет видно из приводимых здѣсь сказаній о джинах. „Джид“ употребляется исключительно в значеніи великана, а „джин“ — и великана, и злого духа, дьявола. Последнее объясняется тѣм, что, как справедливо замѣтил Афанасьев „великаны и черти постоянно смѣшиваются в народных преданіях; что в одной мѣстности рассказываетя о великанѣ, то в другой рассказывают о дьяволѣ“ (Поэтич. возвр. славян на природу, II, стр. 659; Grimm. Deutsche Mythol., I³, 505, 520); слово же „джин“ (Jukić толкует — vrag, djavo Срп. нар. пјесме, стр. 618) объясняют из турецкаго džinn — dāmon (Miklos. Die turkischen Elemente, стр. 55; также Руварац, Две студентске расправе, стр. 46).

Ћосо и джинови (Вила, 1866, стр. 717—19) Једном идући, дође Ћосо у неку велику планину, у којој нађе некакви од већ лепе дворе. Ћоса се зачуди, кад виде такве дивне дворе. Брже утрча унутра, и стане улазити из

собе у собу, али не нађе никога. Врати се натраг и изађе опет пред дворе на поле; — бад тамо, а оно дошли джинови из лова, па сели те се пред двором одмарају. Ћосо им назове Бога, а они му лепо прихвате, и запитају га, кога тражи? На то им ћосо отговори, да је пошао да тражи себи равне другове. „Ево, ми смо“, одговоре му джинове. За тим се стану надметати, који је најбољи јунак, и почну најпрве савијати врхове од дрва. Један од джинова савије врх од некога дрвета и да ћоси, да придржи. Только что ћоса схватио се за верхушку дрвета, как его перебросило на другу сторону. Ћосо упал, но на счастье попал на зайца и поймал его. Джинови стали смѣяться из ћосы, но он их увѣрял, что сдѣлал это нарочно, чтобы поймать зайца, — и выпустил зайца . . . и сви се джинови зачуде, как виде зеца жива; и признаду, да је бољи јунак од них. Потом стали бросать камни. Дошла очередь до ћосы. Ухватио се ћоса за камень обѣими руками, не мог и с мѣста его сдвинуть и стал озираться вокруг. Джинови спросили, что он дѣлает. Ћоса отвѣтил: „гледам, на коју ћу страну да бацим овај камен, па бих хтео бацити на оно брдо онамо, него ми је жао, да полупам оне стаклене дворе“. „Не, повичу сви джинови уплашени, видимо, да си бољи јунак од нас“. Сѣли джинови обѣдать, а ћосу послали за водой и дали ему „би-волску“ кожу для воды. Ћосо, который едва нес порожнюю кожу, взял заступ, подошел к рѣкѣ и стал копать ров. Долго ждали ћосу джинови. Наконец послали одного посмотреть, что он дѣлает. На вопрос джина, ћосо отвѣтил, что он хочет „да повратим читаву реку, па да нам буде за сваеог доста“. Некогда было ждать джину, наполнил он мѣх водой и сам отнес. Потом отправили ћосу в лѣс за дровами. Ћосо стане с једним клучетом код једнога дрвета, свеза га за њега и стане ово целе шуме концем обавијати. Прибѣжавшему джину ћосо сказал, что хочет стануть весь лѣс на дрова, чтобы надолго стало . . . И т. д. Ночью джины хотѣли убить его; но он ловко положил на свою постель вмѣсто себя володу и поверил

ее одѣялом; джины превратили ее в прах; послѣ ѱосо лег на постель и встал жив-здоров. Джины начали просить его оставить их. ѱосо соглашается, если они дадут ему столько денег, сколько его ѱосичи могут понести. Джины просят, чтобы он взял столько, сколько один джин может понести. ѱосо соглашается, уходит, и джин за ним несет „сильно благо“.

Эта сказка, сходная с русскими о цыганѣ и змѣѣ (Афан., Р. н. ск., V, 25) и о Балдѣ и чортѣ, очень распространена у разных индо-европейских народов. Параллели и опыт объясненія в Поэтич. возвр. сл. на природу Афан. II, 746—756. ѱосо или ѱоса знач. безбородый, что по сербским возврѣнїям служит признаком хитрости и лукавства человѣка.

В приповѣдѣ, записанной В. Врчевичем, „Ноје и чудновати джин“ (Српске народ. приповјетке. Биоград, 1868, N 213) говорится о том, как джин „један страховит човек, у војему је био 760 аршина висине, 300 ширине“, по велѣнїю Божїю, принес Ною лѣсу на постройку ковчега. В пѣснях джин встрѣчается чрезвычайно рѣдко и то в довольно неопредѣленном значенїи врага вообще. Так, в пѣснѣ о женитьбѣ Стояна Поповича (Вук, II, N 87) нападает на сватов „джине од латина“; описывается он обыкновенными эпическими чертами:

Сједи јунак крај друма широка,
На нему је чудно одијело:
Вас у срми и у чистом злату,
Тежеко га је поблопило перје,
Побратиме, до зелене траве.
Нешто му се црни прево зуба,
Колик' јагње од пола године,
Сјају му се токе кроз бркове,
Као јарко кроз горицу сунце,
Жуте му се ноге до колена,
Побратиме, у чистому злату,
Покрај њега лежи топузина,

Преко крила копле убојито,
А о бедри сабла окована;

ст. 114—127.

В п. Пѣванія црног. и херцегов. N 77

Лов ловио паша Джин-Алија.

У болгар также, как у сербов, встрѣчаются „жидов-
свіе“ гробы, могилы. Так, по словам Д. К. Цанкова, в
Тырновѣ есть „жидов гроб“—могила, на которую, по су-
ществующему издавна обычаю, проходящіе бросают камни.
Говорят, что там похоронен жид, передавший город тур-
кам. К. Иречек в описаніи своего путешествія по Болга-
рии говорит: U vsi Otušlii ukazuji se staré hroby, velmi
prý dlouhe; pravi se, že v každém leži obr *židavec*. Slo-
vo *žid* totiž po celem Bulharsku, v Trnovsku tak dobrže
jako u Sofijsku, znamená giganta; u same Sofie se na
Nišske silnici ukazuji dvě jamy со *židovské grobove*, hro-
by obrův. Izraelita bulharsky všude slove jen Evréjin
(Cesty po Bulharsku, стр. 81). По сообщенію болгарина
Караджи, в нѣкоторых мѣстностях Болгаріи указываются
джинавейски гробница; существуют также *еллински*
гробница, а также *ампѣовски дупки*.

Пѣсни болгарскія, в которых бы выводился „жид“
или „джин“, мнѣ неизвѣстны. Отмѣчу, впрочем, пѣсню из
сборника г. Качановскаго — „Марко Кралевич уничтожает
еврейскую аренду на Св. Горѣ“ (N 162), в которой вы-
водится „жѣлта еврештина“, таковой же исполн, как и
Джидовин сербских пѣсен:

Продавасе чиста света гора.

Закупил е жѣлта еврештина.

Захотѣл он отнять Маркова юна.

А слюти се Марко добар юнак,

Та удри жѣлта еврештина,

Удри га Марко добар юнак,

А она нему говорила:

„А ме удри, а ме муа уштипа“.

Та га удриль жѣлта еврештина;

А он му се измолуе:

„Не мой мене повторь повторите!

„Айде, карай Шарка добра коня,

„Колко саващ, толко товар турай“.

Послѣ удается Марку обмануть еврейшину и разсѣчь его саблей на двое. Половина трупа упала на Марка и придавила его так, что 300 киридѣи не могли освободить его, и только с помощью Пѣгаго Марко высвободился изпод великана.

Оставаясь при прежнем взглядѣ на происхождение былинны о Жидовинѣ, я бы мог в этой пѣснѣ искать доказательств того, каким образом из легенды вышло представление . . . „жида великана“ (А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр., 1889, Май, стр. 39). Теперь же факты указывают на иное, и я склонен думать, что в этой пѣснѣ великан еврей явился результатом народнаго пониманія слова *джид* — *gigas* как *жид* — *iudaeus*.

О жидях великанах у румын (*Jidovi*) см. в статьѣ о Жидовинѣ А. Н. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр., 1889, Май, 39 стр.). Для нас интересно замѣчаніе почтеннаго академика, что румынское названіе остатков старых городищ — *Jidova* „указывает своей формой на заимствованіе у славян“ . . . (стр. 30).

Для полноты картины распространенія слова „джид“ на славянском юго-востоку, отмѣтим „жидовскую пещеру“ на берегу Днѣстра в Подольской губернии (Труды V археол. съѣзда в Одессѣ, т. I, стр. 86 и слѣд. Указаніем обязан проф. М. С. Дринову).

У померанских кашубов и словинцев существуют аналогичныя сербским сказанія о *столымах* (*stolum, stolem, stolm* и *stołm*), великанах, „одаренных силою исполинскою, которые когда-то населяли землю и исчезли потом перед родом человѣческим, побѣжденные им не силою, а умом“. „Столымам кашубы приписывают, как нѣмецкое простонародье *шнам*, вурганы, которые считают за их могилы, и кости допотопных животных, иногда попадающіяся в этом краѣ“ (Гильфердинг. Остатки слав. на южн. бер. Балт. моря. Этногр. Сборн., V, 65—67). Один из

сообщенных Гильфердингом вашубских рассказов о гибели послѣдняго столыма весьма сходен с русской былинной о смерти Святогора от задушенія в каменном гробѣ (ib., стр. 115—116).

Подобныя преданія и мѣстныя приуроченія, имѣющія в основаніи историческія международныя отношенія, существуют и на Руси, напр. о *чуди* (Словарь Даля. А. Н. Веселовскій, Замѣтки по литерат. и народн. слов. Сборн. отд. р. яз. XXXII, VI), о *волотах*: *шудна*, гора, холм; *волотка*—тоже (Булсл., Нар. поэт., 261); волотова могила на усть рѣки Мечи (Христом. Бусл., 4 изд., 193) и др.

Аналогичны указанным славянским германскія преданія о Hünen (Grimm, Deutsche Myth., I, 489—90), об Ent, antisch, entise (ibid., 491. Веселовскій, Замѣтки по литер., VI).

Несомнѣнныя этническія основанія для германскихъ преданій о Hünen, русскихъ о чуди, велетахъ и под. естественно могутъ склонить и в „джидахъ“ южно-славянскаго эпоса видѣть намекъ на какой-либо враждебный славянамъ народъ. Академикъ А. Н. Веселовскій видитъ в „джидахъ“—хазаръ (Ж. М. Нар. Пр., 1889, Май). Я уже указывалъ на то, что хазары не были народомъ строго-еврействующимъ и потому, слѣдовательно, не было основаній для отождествленія именъ хазарина и джида (Великорус. был., 178). Теперь мы видимъ, что наиболѣе отчетливыя преданія о джидахъ сохраняются у сербовъ и чѣмъ далѣе в востокъ, тѣмъ преданій о нихъ меньше, и они темнѣе и сбивчивѣе. Это также говоритъ противъ того, чтобы видѣть в джидахъ—хазаръ. Если бы дѣйствительно „джидъ“ в указанныхъ сказаніяхъ означалъ хазарина, то с полнымъ правомъ нужно было бы ожидать наибольшаго распространенія этого имени на востокъ, по близости къ резиденціи хазарскихъ хагановъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ власть ихъ могла чувствоваться сильнѣе, чего однако мы не видимъ; наибольшее же распространеніе этого имени у сербовъ, с этой точки зрѣнія, совсѣмъ непонятно. Къ этому нужно прибавить, что самый характеръ хазарскаго господства былъ таковъ, что едва ли могло сложиться

у славян представление о хазарах, как о насильниках-великанах. Слова Шафарика о хазарах и до настоящего времени остаются вѣрными: „в отечественных наших лѣтописях мы не находим никаких доказательств и слѣдов, чтобы владычество козар было тягостно и вредно для славян, как иго отвратительных аваров; впрочем, нам известно из других рук, что нравы козар были гораздо вротче и образованнѣе, нежели этих грабителей“ (Слав. древн., т. II, ч. 1, стр. 102).

С лингвистической точки зрѣнія, слова *жид* и *джид* не тождественны. *Жид* у сербов означает *iudaeus*, но никогда—*gigas*; равным образом *джид* означает *gigas*, но не *iudaeus*. У болгар для *iudaeus* существует названіе *евреин*; *жид* же, по слов. Иречка, означает *gigas*.

Осторожный Э. И. Буслаев допускает двойкую основу для былины о Жидовинѣ: историческую, при чем о хазарах он прямо не говорит, и эпическую: „великан, с которым (богатыри) вступают в бой, принадлежит в преданіям древнѣйшим, соотвѣтствующим как воспоминанію лѣтописи об обрах, о печенѣжинѣ Редедѣ, так и эпическим сказаніям о богатырях старших. Этот великан Жидовин; он похваляется своею силою, потому он нахвальщина; он так громаден, что ископать . . . его воя была величиною в пол-печи“ (Христомат. для гимназій, стр. 392; слич его же Нар. поэт., Истор. очерки, стр. 119).

По моему мнѣнію, данныя сербскаго эпоса дают основаніе совершенно оставить попытку искать историко-этническаго основанія для сказаній о *джидгах*. Основа их — чисто эпическая — древнѣйшія, общія всѣм народам преданія о великанах; с ним могли ассимилироваться заимствованныя от греков сказанія о гигантах; сообразно с этим можно объяснять и самое слово *Джидовин*.

Восточное происхожденіе других сербских названій для великана—*джин* и *див* (турецк. *div*, великан и черт, персидск. *dēv*; Miklос., Etymolog. Wörterbuch) склоняет мысль подозрѣвать и в *джид* слово, взятое из восточных языков. Но пока такое предположеніе ничѣм не подтверж-

дается. Miklosich, возводившій *джид* в турецк. *džinn* в соч. Die turkische Elem., не повторил своего объясненія в Etymolog. Wörterbuch. В видѣ попытки я предлагаю слѣдующую догадку: не восходит ли теперешнее сербск. *джид* через древне-сербскую форму *гигъ* к греческому *γίγας*?

Гигъ в древне-сербском встрѣчается очень рѣдко; в известном словарѣ Даничича его нѣт. Оно мнѣ встрѣтилось в апокрифѣ „Видѣніе пророка Исаи“, извлеченном проф. М. И. Соболовым из рукописи проф. Срецьевича, описанной в его сочин. „Матеріалы и зам. по стар. слав. литер.“ (I, стр. 20). Благодаря любезности М. И. Соколова, сообщившаго мнѣ выписку интересующаго меня текста, я имѣю возможность уяснить значеніе этого слова в связи с прочим содержаніем апокрифа. Идет рѣчь о гибели „безстуднаго змія“, который утвердится на „овчи поли“ и будет оттуда воевать Константинополь; против него выйдет архангел Михаил; произойдет злая сѣча, и змій падет: писано бо ѣсть: з’мию томоу пасти на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Адринополе, нь прословетьсе *шгово поле* (ср. *Волотово поле* на берегу Волховца в 3 верстах от Новгорода. Буслаев, Нар. поэз., 204) и потомъ нь имать слоутисе адринополе. В другой рукописи это мѣсто читается так: паднеть змей на Дрѣнополи, и потомъ наречетьсе поле его (А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр., 1888 г., август, стр. 453). Таким образом *гигъ* является синонимом *змья*. Это стоит в несомнѣнной связи с тѣм, что гиганты были существа змѣевидныя: они имѣли „ноги змиевы“: „человѣкы, от земля рождены, имущи ноги змиевы“; вси гиганте, нарицаеміи змѣенозѣ (Андр. Попов, Обзор хронограф., I, 8).

Любопытным архаизмом, указывающим на древнее значеніе слова *гигъ* как *γίγας* служит употребленіе в соврем. сербском языкѣ слова *шга*: надимаѣ женама, које су *високе* (Rječnik Југослав. акад.). В словѣ *шг*—*пјѣтао велике* врсте (Rječnik Југослав. акад.) первоначальный эпитет стал самостоятельным существительным. Отсюда производныя: *шгов*, *шгула* и *шгош*.

Из гигъ, по законам южно-славянской фонетики (Miklos., Vergleichende Gram., I, 274, 418) могло выйти первоначально *джиг (ср. Джига ж. собств. имя. Rječnik Юго-слав. Акад.); для объяснения возникновения *джид* из *джиг придется прибѣгнуть к предположенію вліянія или ассимиляціи, или аналогіи слов как: *джида*, *джидаја* (Rječnik), *джид*—вопле и может быть — *жид*, *жидовин*—*iudaeus*. — Итаг, *γῦγας*—гигъ—*джиг—*джид* и *жид*.

Большой натяжки в этом объясненіи нѣтъ, а если мы примем во вниманіе, какія комбинаціи происходили в народных воззрѣніях из столкновенія славян с греками, то оно не покажется мало-вѣроятным. Сравните: *коляды*, *русалии*; обратите вниманіе на новую чрезвычайно остроумную попытку акад. А. Н. Веселовскаго объяснить *виллы* из *dies violae* (Ж. М. Н. Пр., 1889, июль). И устным, и книжным путем заходили к южным славянам греческія свазанія о гигантах и входили в тѣсныя комбинаціи с их національными преданіями о великанах. Результатом этого вліянія явилось заимствованіе у греков слова *γῦγας* для обозначенія понятія великана (аналогія: богатырь—*baghadur*). Названіе групп камней *могилами джидов*—„*джидовско гробле*“—стоит, вѣроятно, в связи с распространенными у разных народов преданіями о превращеніи великанов в камни (ср. Афанасьев, Поэт. воззр. сл. на прирду, II, стр. 674—77).

Жидовин русской былины есть, как мѣтко выразился А. Н. Веселовскій, *ипісип* нашего эпоса. В русском языкѣ *жидовин* употребляется исключительно в одном значеніи—*iudaeus*. Нѣтъ никаких данных полагать, что это слово употреблялось когда-либо прежде в значеніи врага—исполина, на ряду с извѣстными древне-рускими обозначеніями этого понятія: *чоудъ* (Вост. Словарь), *сполинъ* (Miklos. Lex.), *исполин*, *исполникъ*, *польникъ* (Miklos.), *вѣлет*, *вѣлетень* (Афанасьев-Чужбинскій, Словарь мр. нар., Изв. А. Н., т. IV) и др. Мысль естественно склоняется к предположенію считать это слово заимствованным из того языка, в котором оно употребляется часто и с ясным

значеніем, и от того народа, с которым у нас были постоянныя и живыя связи.

Выше я отмѣтил сходный эпизод былины о Жидовинѣ и сербской пѣсни о Маркѣ Крамевичѣ и Джидовинѣ.

Отмѣтим еще одну болгарскую пѣсню, на сходство которой с былинной о Жидовинѣ уже обратил вниманіе проф. Дринов (Нѣск. слов о языкѣ, народн. п. и обычаях Дебрских славян. Стб. 1888, стр. 53). Это не лишено значенія и само по себѣ, и в виду того, что многіе эпические мотивы общи сербам и болгарам, такъ что иногда трудно провести границу между оригинальнымъ творчествомъ болгарскимъ и сербскимъ, равно какъ и между языкомъ (сравн. настоящій спор о Македоніи).

Пѣсня из сборн. Миладинов. N 156: „Дойчин юнакъ, сиракъ Янко и краль Марко, солунски чуваша“.

Три бана, три краля собрались в город Солунь, на солунскія семь башень: Дойчин из Солуна, Янко из Янина и Марко из Прилипа. Пьют-ѣдят, веселятся, по очереди стерегут город. Всѣ отбыли свой срок, дошла очередь до Дойчина. Взял Дойчин золотую подзорную трубу и стал смотрѣть во всѣ стороны, по путям-дорогам, по полю и по морю. Посмотрѣлъ на море и запримѣтил на нем расписной корабль. На том кораблѣ ѣхал знатный турчин (челебія)— „чужавѣра“. Миновавъ пристань, турчин направился к беш-чинару (площадь у пяти платанов. Дювернуа, Сл. болг. яз.) и там распялъ шатер. Когда увидѣлъ это Дойчин, сѣлъ на борзаго коня, пріѣхал на беш-чинар и издаде закричал турчину: „эй, ты, турецкій челебія, эй, ты, турок, чужая вѣра! Почему ты не шел на пристань платить тяжелую пошлину, а вышел на беш-чинар?“ Турчин отвѣчал: „я не буду вам платить тяжелой пошлины, я пришел от султана владѣть городом Солунем“. Дойчин на эти рѣчи схватил буздохан и бросил в турчина, но промахнулся. Тогда турчин закричал своимъ товарищамъ: „выходите из корабля, схватите Дойчина юнака!“ Дойчин поворотил назад коня, пролил слезы, отѣхал к семи башнямъ и такъ говорил дружинѣ: „что сидите, что смотрите?

появился турок-челебія, „чужа-вѣра“; что ни дѣлать, то дѣлать, а нужно охранять Солунь“.

Эта пѣсня, представляющая, очевидно, лишь отрывок пѣсни о борьбѣ болгарских юнаков с турецким нахвальщиком, сходна с былинной о Жидовинѣ в слѣдующих подробностях:

Юнаки собрались в Солунь отбывать сторожевую службу:

Сѣ собрале, сѣ набрале,
До три бана, до три краля
Во град Солун, на Солунски
На Солунски седум вули.

. . . . .
Ядат, шат, сѣ веселят,
Со нойбет си град-от чуват.

Милад., стр. 246.

С такою точно цѣлью и —

Под славным городом под Кіевом
На тѣх на степях на цысарскіих
Стояла застава богатырская

(Кир., IV, стр. 6).

„На степях на цысарскіих“, то есть, хазарских, говорит акад. А. Н. Веселовскій. Замѣтим, что этот эпитет нигдѣ больше не встрѣчается“ (Ж. М. Н. Пр., 1889, май, стр. 39). Для меня не ясно основаніе для такого отождествленія. Ор. Миллер считал названіе степей *цысарскими* или *цысарскими* книжным и подновленным (Илья Муромец, 457). Остается неизвѣстным, из какого источника взято это названіе. Не стоят ли наши *степи цысарскія* в связи с *дорогами царскими* южно-славянскаго эпоса, на которых происходят различныя приключенія юнаков? —

Болгарскіе юнаки —

'Си-те ред-от одредоха,
Ред-от дойде на Дойчина,
Та си узе златна вила
Та разгледа горе, долу,

По пжтища, по друмища
И по поле и по море.

Русскіе богатыри положили ѣхать за нахвальщиком
Добрынь Нивитичу,

*Добрыня того не отпирается . . .
Поѣхал Добрыня на гору Сарачинскую,
Посмотрѣлъ из трубочки серебряной,
Увидѣлъ в полѣ чернизину.*

Увидав турчина на беш-чинар, Дойчин закричал ему:

Море турски челебіа,
Море турчин чужа вѣра!
За щ' не идеш на скеле-то,
Да си платиш тежки южрук,
Тув си дошол на беш-чинар?

Добрыня Нивитич поѣхал прямо на чернизину,

Крычал-зычал зычным голосом:
Вор, собака, нахвальщина!
За чѣм нашу заставу проѣзжаешъ,
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челом,
Под-атаманью Добрынь Нивитичу,
Есаулу Алешъ в казну не кладешъ
На всю нашу братью приборную?

Другой болгарской пѣсни, сходной с былиной о Жи-
довинѣ, я касался в Вел. был. кievск. ц., стр. 179—81.

Всѣ приведенныя сближенія указывают на тѣсную
связь былины о Жидовинѣ с южно-славянским эпосом. Од-
нако, самый мотив ея очень распространен в русском эпо-
сѣ: он представляет вариацию мотива о встрѣчѣ Ильи
Муромца с сыном (Великорус. был., стр. 178); слѣдова-
тельно, о заимствованіи мотива былины о Жидовинѣ из
южно-славянскаго эпоса не может быть рѣчи. Вопрос сво-
дится къ опредѣленію вліяній южно-славянскихъ эпическихъ
сюжетовъ на видоизмѣненіе мотивовъ русскаго эпоса. Влія-
ніе это в данном случаѣ состояло во введеніи в русскій
эпосъ имени и образа великана Джидовина и, может
быть, нѣкоторыхъ эпическихъ подробностей. Заимствованный
образъ былъ приуроченъ русскими пѣвцами къ мотиву, раньше

существовавшему в русском эпосѣ. Это повело к вариации прежняго мотива, к сложенію новой былины на старой основѣ. Подобныя взаимодействія возможны, конечно, в той средѣ, гдѣ происходитъ живое племенное общеніе. Такой средой могло быть, напр., казачество запорожское и донское, стоявшее в тѣсных связях с южным славянством. В этой средѣ, вѣроятно, и сложилась первоначально былина о Жидовинѣ, и отсюда со временем была занесена на сѣвер. Казачья среда сообщила былинѣ казацкій колорит:

На заставѣ *атаман* был Илья Муромец,
Под-атаманъ был Добрыня Нивитич млад,
Есаул Алѣша поповскій сын . . .

(Кир., IV, стр. 6—7).

8 ноября 1889 г.

